

Китайский консенсус по поводу сделки с США

По словам Дэвида Ли Даокуя, директора центра “Китай и мировая экономика” Школы экономики и менеджмента Университета Цинхуа и представителя либерального истеблишмента Пекина, преобладающий в Китае консенсус заключается в том, что вести дела со «старой» американской державой необходимо. Тут нужно пояснение. Используемое определение помогает понять *«истинный образ Соединённых Штатов»* в восприятии китайской империалистической буржуазии, и здесь “старый” не обязательно указывает на возраст.

Автор использует приставку, которую в Китае добавляют к фамилии старшего по званию или физически сильного и крупного человека, властного, самоуверенного, упрямого, эгоцентричного и часто сварливого. Речь идёт о *«стереотипах»* или, скорее, об их идеологическом использовании для описания траектории упадка сверхдержавы. Америка *«не всегда может быть разумной: она может быть раздражительной, как старый дед»*.

Пекин считает приоритетной задачей *«вести себя должным образом»* с США как гарантом мирового порядка, из которого Китай извлёк выгоду за сорок лет “реформ и открытости”. Но что если теперь Вашингтон начнёт отвергать этот порядок?

Хотя растущая агрессивность Америки делает этот вопрос крайне острым, *«за исключением ультранационалистических или ярко выраженных прозападных мнений, средняя или консенсусная точка зрения, по-видимому, довольно ясна»*: Китай должен продолжать *«уважать [Америку] и вести переговоры»* с этим “великим стариком”, сохраняя при этом твёрдость в вопросах, представляющих стратегический интерес. В конце концов, время на стороне Дракона (*“China’s World View”, 2024*).

Провинции и учёт мнений

По мнению того же автора, определение внешней политики Китая – весьма сложный процесс, поэтому он вряд ли может выйти из-под контроля или привести к непредуманным поворотам, свойственным американской демократии. Наиболее близкий пример этому можно найти в его экономической политике. В ноябре 2008 года Ли Даокуя без предупреждения вызвали в Пекин. Сидя среди глав провинций, крупных компаний и государственных банков, он узнал от Вэнь Цзябао о введении антикризисного инвестиционного пакета в размере 4 трлн юаней, что соответствовало примерно двум годам торгового профицита Китая. Удивление от масштабов реакции на глобальный финансовый кризис сменилось тихим шелестом среди собравшихся, которые принялись делать записи, – сцена необычная среди китайских местных руководителей, обычно заранее осведомлённых обо всех важных решениях. Затем последовало совещание с представителями провинций.

Этот эпизод поучителен с двух точек зрения. С одной стороны, существует традиция централизации плюрализма сил, в рамках которой ключевые регионы китайского империализма регулярно сверяют интересы на *«совещаниях»* и находят себе выражение в множестве партийных и государственных надстроек. Постоянный комитет Политбюро ЦК КПК и Государственный совет КНР (высший исполнительный орган) встречаются еженедельно; Политбюро ЦК КПК и Всекитайское собрание народных представителей (парламент) проводят регулярные сессии раз в месяц. Последнее выполняет функции, полностью аналогичные функциям *«Сената»* и *«Палаты представителей»* в США, и эти сессии часто сопровождаются *«жаркими дискуссиями»*; Народный политический консультативный совет Китая является эквивалентом *«Палаты лордов»*. Местные органы власти имеют различный вес в соответствии с иерархией *«рангов»*: главы Пекина, Шанхая, Чунцина и Гуанчжоу аналогичны вице-преьерам, губернаторы и секретари провинциальных комитетов КПК – министрам, мэры городов – секретарям министерств и так далее.

С другой стороны, китайский метаболизм демонстрирует высокую скорость принятия решений, которая, безусловно, становится возможной благодаря исключительным полномочиям, которые берёт на себя центр в случае кризиса, а также эффективность обычной централизации, которая как раз и позволяет реагировать на вызовы.

Китайская система сдержек и противовесов

Ли Даокуй считает эффективной также систему противовесов. Парламент не отклоняет законопроекты потому, что они выдвигаются только после долгих совещаний: вспомнить хотя бы историю введения налога на имущество, который уже десять лет блокируют местные органы. Реформа местных судов, которая приписала провинции к более широким судебным округам, чтобы устранить их правовой “суверенитет”, так и не смогла ограничить широкие полномочия, которыми пользуются местные администрации.

Здесь поддержка независимой судебной власти была направлена против местных властей, которые традиционно занимались применением законов. Наконец, существует плюрализм местных СМИ, который поощряется центром в целях создания противовеса различным группировкам и влиятельным фигурам. Китай располагает огромным внутренним рынком, удовлетворяющим аппетитам богатых провинций. Антикоррупционная кампания должна также регулировать эту сферу отношений между рядом прибрежных «Японий» и внутренней «Африки».

«Маловероятно», что Китай примет западную форму демократии: хотя сторонники такого подхода исторически составляли большинство, в итоге в качестве компромисса утвердилась линия «демократии с китайской спецификой». Ключевой вопрос здесь – централизация внешней политики, формирующаяся в результате сложного равновесия между разнонаправленными силами и интересами, исходящими от мощных экономических группировок Поднебесной, ориентированных на мировой рынок и меняющийся баланс сил. Статья двух патриархов “американской” партии Ван Цзиси и У Синьбо, вышедшая в сборнике “Cold Rivals” под редакцией Эвана Медейроса в 2023 году, до второй победы Дональда Трампа, показывает, как среди китайских течений созревала дискуссия о том, как реагировать на действия приходящей в упадок Америки.

Новый век, усиливающееся соперничество

По мнению Ван Цзиси, охлаждение между Вашингтоном и Пекином стало необратимым в 2017 году, и не только из-за избрания Трампа, но и из-за перемен, вызванных мировым кризисом 2008 года. Китай учитывал это ещё при Ху Цзиньтао в 2010 году, дополнив преобладающую линию “сдержанности” новой «проактивной» позицией. Затем, в 2012 году, настала очередь Си Цзиньпина, который начал поощрять более воинствующий национализм; президентство Байдена представляло собой лишь относительное затишье.

Многие китайские чиновники считали, что Китаю будет выгодно американское давление, стимулирующее конкуренцию, если только удастся избежать прямого столкновения.

У Синьбо, директор центра американских исследований при Университете Фудань (Шанхай), считает, что настоящим поворотным моментом стал 1999 год, когда Джордж Буш – младший определил Китай как «стратегического соперника», а после азиатского «поворота» Барака Обамы страны пришли к беспрецедентному геополитическому соперничеству. По мнению У, китайская элита двояко интерпретировала первый срок Трампа: будучи наглядным проявлением упадка Америки, оно в то же время предвещало долгое соперничество. Президентство Трампа неизбежно вело к усилению конкуренции, но в то же время могло быть использовано для ускорения реструктуризации Китая. В руководстве Трампа доминировали национализм и экономический реализм, а также “ястребы” из госбезопасности. Джо Байден продолжил линию на протекционизм и технологическую блокаду, и вдобавок начал уделять внимание альянсам в Азии. В Америке складывался широкий консенсус для противостояния, а что в Китае?

Больше путей для Си Цзиньпина

«Мнения высокопоставленных китайских лидеров относительно стратегии, которую следует принять, разошлись. Си Цзиньпину выпала честь создать консенсус и оставить за собой последнее слово». Пекин сначала пытался пойти на уступки, затем начал торговое контрнаступление и, наконец, предложил перемирие; защита Китаем многосторонности, свободной торговли и либерального порядка могла быть использована на международном уровне в отношениях с другими державами, затронутыми американской односторонностью; концепция «двойной циркуляции» подразумевала открытость по отношению к Европе, Азии и даже американским транснациональным корпорациям в сочетании с опорой на

национальный рынок, который можно оградить от конкуренции и который в любом случае являлся резервным бассейном для технологической самодостаточности и контроля над ресурсами.

На политическом уровне точка зрения Си формировалась не только с учётом оценки структурного антагонизма, который должен привести к растущему соперничеству по мере объективных изменений в балансе сил, но и с учётом того факта, что внутренняя политика двух держав, а, следовательно, и формирование стратегического консенсуса внутри них, подпитывают друг друга. Это оставляло место для взаимного влияния и, следовательно, делало возможным изменение темпов противостояния. По сути, соперничество между США и Китаем неизбежно и только усиливается, но его сроки и форма обуславливаются множеством отношений в Азии и Европе. Статьи Вана и У в книге Медейроса, бывшего помощника Обамы и ответственного за Азию члена Совета национальной безопасности, как мы можем интерпретировать, были адресованы потенциальной демократической администрации, но его можно принять во внимание и сегодня.

Цзинь Цаньжун, профессор Института международных отношений Китайского народного университета, остужает спор, начатый деканом Института финансовых исследований Чунъян Ван Вэнем, о возможных преимуществах, которые Китай получит от второго срока Трампа. Тирады последнего о Канаде, Гренландии, Панамском канале и секторе Газа интерпретируются как угрозы Пекину, какими бы странными они ни были: США готовы на всё, чтобы подготовиться к неизбежному стратегическому столкновению с будущим противником. В этом смысле Америка сигнализирует о своей готовности укрепить своё полушарие, «занять ключевые точки» на Среднем Востоке, задобрить Москву за счёт Киева, усилить контроль над союзниками, начать решающую стратегическую игру с Драконом.

Решающее столкновение, временное соглашение

Ударная волна второго срока Трампа превзошла китайские прогнозы: *«Трамп начал реализовывать более откровенно экспансионистскую стратегию, политику силы и империализма, в то время как изначально мы ожидали, что он продолжит торговую войну, запугает другие страны и выйдет из международных организаций»*. Пусть и размахивая оружием пошлин, магнат, похоже, пока благосклонно относится к Пекину и считает, что может угрожать Китаю и одновременно льстить ему, как это делают бизнесмены перед началом переговоров. Призыв к «спокойствию» настойчиво звучал в китайских дебатах, несмотря на противоречивые сигналы из Белого дома, и это, по-видимому, возвращает нас к терпению и стратегическому хладнокровию, выработанным в годы правления Обамы и первого срока Трампа. Однако имеются существенные различия – усиление военного сдерживания и готовность Дракона использовать возможности, когда они возникают, включая возможность заключения «соглашений» с магнатом.

Цзинь Цаньжун, стряхивая пыль со старых инструментов, заключает: *«Три волшебных оружия, предложенные председателем Мао, – “единый фронт, вооружённая борьба и партийное строительство” не устарели. Соблюдение этих принципов поможет Китаю занять выгодную позицию в глобальной конкуренции»*.

Пекин считает, что сможет справиться с “великим стариком” Америкой, воспользовавшись кризисом порядка.

Март 2025 г.